

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ПРОТЕСТЫ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.5>.

EDN: OIZMSCY

*В.Б. ГОЛЬБРАЙХ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В РОССИИ: НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ (2010–2022)

Аннотация. За последние десятилетия в связи с появлением социальных медиа в повседневной жизни человека произошли существенные изменения. Использование социальных сетей стало повседневной практикой российских граждан, что отразилось и на общественно-политической сфере и вызвало возрастающее внимание отечественных авторов к проблеме. Статья посвящена обзору российских исследований в этой одной из самых актуальных областей. В отечественной литературе активно исследуется использование социальных медиа в ходе конфликтов, вызванных различными проблемами. Российские авторы анализируют новые формы политического участия, новые типы общественных движений, трансформацию коллективных действий. Некоторые исследователи полагают, что идет становление социальных медиа как социального института. В связи с этим можно говорить и о процессе институционализации новых форм политического участия. В то же время существуют лакуны в отечественных исследованиях: влияние социальных медиа на политическое участие; организации общественных движений; трансформация коллективных действий. В отечественной литературе не виден критический взгляд в отношении социальных медиа, например влияния коммерческой и политической составляющей социальных медиа. Рост исследований социальных сетей позволяет быть уверенными, что новые работы дадут ответы на самые разные, пока еще не вполне изученные аспекты политического участия в социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, политическое участие, общественно-политические конфликты, коллективные действия.

Для цитирования: Гольбрайх В.Б. Социальные медиа в России: новые формы политического участия. Основные подходы (2010–2022). // Власть и элиты. 2024. Т 11. № 2. С. 118–136. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2024.11.2.5>. EDN: OIZMCY.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия в связи с появлением социальных медиа в повседневной жизни человека произошли существенные изменения. Для большинства людей в развитых странах социальные сети стали одним из основных источников информации, образования, коммуникации. Социальные медиа, будучи неотъемлемой частью основных социальных институтов, «существенно трансформировали общество» [28, р. 123]. Неизбежно, что эти изменения не могли не затронуть и общественно-политическую жизнь, включая такие ее неотъемлемые элементы, как деятельность общественных движений и политическое участие граждан. Настоящая статья посвящена обзору исследований этой одной из самых актуальных проблем.

МЕТОДИКА

В настоящее время вышли сотни статей и десятки книг, посвященных роли социальных медиа в политическом участии: использование социальных сетей в ходе выборов, их влияние на протесты, на развитие общественных движений, репертуар протестов и т.д. Первая часть статьи посвящена зарубежным работам. В исследовании мы ограничились теми работами, в которых авторы, анализируя эти проблемы, предлагают основные теоретические подходы и концепции. Вторая часть исследования посвящена обзору отечественных исследований в этой области. В настоящей работе прежде всего использована база данных российских исследований, созданная в ходе работы над предыдущей статьей [6]. За период 2010–2020 гг. в 36 журналах (включая ведущие журналы в области социологии и политологии) найдено 54 статьи, посвященных роли социальных медиа в политическом участии российских граждан (как в ходе тех или иных протестов или конфликтов, так и в ходе выборов). Около 60 % из них являлись эмпири-

ческими исследованиями. Кроме того, использованы отдельные работы российских авторов, вышедшие после 2020 г., касающиеся теоретических подходов, связанных с трансформацией политического участия. Нас интересовало, какие проблемы, поднимались российскими авторами в связи с ролью социальных медиа в политическом участии, какие использовались подходы и концепции, а также применяемые российскими авторами методы. В качестве метода в настоящем исследовании использован вторичный анализ литературы.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

Как отмечают исследователи, «в последние годы сама концепция политического участия претерпела существенные изменения» [40, р. 31], в том числе в связи с появлением социальных медиа, оказавших влияние как на репертуар протеста, так и на формы политического участия. Б. Хош-Дайкан полагает, что классические определения политического участия являются «слишком ограниченными в эпоху цифровых коммуникационных технологий» [29, р. 345]. В ходе обсуждения разных концепций Я. Ван Дет приходит к определению политического участия как «добровольной деятельности, осуществляемой людьми в роли граждан, касающейся правительства, политики или государства в широком смысле (“политическая система”, “политический процесс”）」 [42, р. 351].

Некоторые исследователи считают, что участие в социальных медиа нельзя рассматривать в одном ряду с традиционными формами политического участия. Однако Я. Тхеочарис полагает, что «акт активации личных сетей через цифровые медиа с целью мобилизации других для социальных или политических целей представляет собой способ участия» [39, р. 5]. В своей работе он выдвигает концепцию «цифрового сетевого участия». Цифровое сетевое участие определяется как «сетевое персонализированное действие, основанное на цифровых медиа». Оно осуществляется отдельными гражданами с целью «активировать свои социальные сети, чтобы повысить осведомленность или оказать социальное и социальное воздействие, политическое давление для решения социальной или политической проблемы» [39, р. 6].

К «цифровому сетевому участию» Я. Тхеочарис относит: 1) присоединение к группе в социальной сети, посвященной политическим/социальным проблемам; 2) публикация ссылок в социальных сетях на политические/социальные материалы; 3) публикация собственных постов или комментариев в социальных сетях по политическим/социальным вопросам; 4) мобилизация к действиям по политическим/социальным вопросам в социальных сетях; 5) републикация материалов в социальных сетях, посвященных политическим/социальным вопросам [39, p. 8].

Один из главных вопросов, связанных с ролью социальных медиа в ходе конфликтов, — в какой степени социальные сети влияют на политическое участие? Необходимо отметить существование различных взглядов на эту проблему. В частности, Е. Морозов отмечает такое явление, как «слактивизм» («диванный активизм»), когда люди используют «слактивистскую деятельность» (присоединение к онлайн-сообществам, лайкание, комментирование и т.д.), заменяющую «традиционные формы активизма» (демонстрации, судебные разбирательства и т.д.) [36]. По мнению некоторых авторов, опасения по поводу того, что «слактивистское участие» заменит более эффективные формы взаимодействия, преувеличены [23]. Ш. Боулианне, проанализировав более трехсот исследований в 18 странах, приходит к выводу, что существует положительная связь между использованием цифровых медиа и участием в гражданской и политической жизни, причем эта связь усиливается с течением времени [21].

Справедливо отмечалось, что неаффилированные люди, «не имеющие личные связи с участниками протестов, могут узнать об акции протеста, демонстрации и прийти на нее только благодаря информации, доступной в интернете», включая социальные медиа. Именно последние открывают возможности для широкого распространения информации, которая может выходить за пределы среды активистов [34, p. 70].

В связи с этим надо сказать о концепции «дискурсивных возможностей» Руда Купманса и Сусанн Олзак. С их точки зрения, дискурсивные возможности — это «аспекты публичного дискурса, которые определяют шансы на распространение посланий в публичной сфере» [30, p. 202]. Основным элементом дискурсивных возможностей — види-

мость — является необходимым условием, для того чтобы сообщения влияли на общественный дискурс. Видимость зависит от количества коммуникативных каналов, куда включены сообщения. Социальные медиа существенно расширяют количество коммуникативных каналов по сравнению с эпохой традиционных СМИ. С. Милан, рассматривая социальные медиа, говорит о «политики видимости», отмечая, что «понятие видимости людей, их поступков и местонахождения, выливается в наблюдение и самонаблюдение, настолько укоренившись в социальных сетях, что стали неотъемлемой частью современных протестов» [35, р. 55].

Социальные медиа дают возможность пользователям «выходить за рамки роли получателей информации, позволяя им одновременно выступать в роли передатчиков» [22, р. 23]. Пользователь той или иной социальной сети может узнавать о социально-политических проблемах, конфликтах через посты своих друзей, соседей, не обращаясь к СМИ. При этом, как представляется, доверие к сообщениям, увиденных на страницах знакомых, будет иным, чем к новостям, передаваемым традиционными СМИ. В ряде протестов «коллективное действие происходило в основном через сетевую коммуникацию различных групп и отдельных людей» [20, р. 742].

По утверждению У. Беннета и А. Сегерберг, социальные медиа повлияли и на сам характер действий общественных движений. Они выдвигают концепцию «коннективных действий», серьезно отличающихся от традиционно рассматриваемых в рамках социологии общественных движений «коллективных действий». Существенное различие между этими двумя типами действий в том, что в центре коллективных действий находится организация общественного движения. В центре же коннективных действий «в качестве организующих агентов» оказываются цифровые медиа [20, р. 752]. Коннективные действия характеризуются низким уровнем или отсутствием организационной координации действий, в их основе лежит личное самовыражение в социальных сетях, используются личные фреймы, и формальные организации находятся на периферии. Это существенно отличается от традиционных коллективных действий, где существуют сильная организационная координация действий, организационное управление социальными сетями, используются фреймы

коллективных действий и на переднем плане находится организация [20, p. 756]. В связи с этими процессами У. Беннет и А. Сегерберг отмечают, что организации общественных движений могут иметь меньший контроль над членством и стратегиями, чем в предыдущие эпохи. В настоящее время наравне с организациями общественных движений действуют «менее дисциплинированные сети активистов», которые могут использовать социальные сети для координации своей деятельности для продолжения кампаний даже после прекращения деятельности организаций [19, p. 373].

Ученые подчеркивают, что «социальные медиа расширили репертуар, доступный участникам движений» [33, p. 8]. В связи с использованием цифровых технологий в ходе протеста используются такие термины, как «репертуар электронных протестных действий» (*repertoire of electronic contention*), «цифровой репертуар протестных действий» (*digital repertoire of contention*), «оцифрованный репертуар действий» (*digitalized action repertoire*) [31, p. 333]. Дж. Эрл и К. Кимпорт различают три формы протестов, поддерживаемых онлайн: *e-mobilizations*, для которой интернет используется в первую очередь как инструмент для облегчения координации офлайн-протестов; *e-movements*, в которых как организация протеста, так и сам протест происходит в режиме онлайн и *e-tactics*, сочетая в себе онлайн- и офлайн-компоненты [26, p. 12]. В связи с этим некоторые исследователи пишут о гибридизации репертуара протестных действий, делая сетевые репертуары слабо связанными с формальными институциональными структурами [41, p. 204].

Существует и критический взгляд на использование социальных медиа в ходе протестов. Можно выделить несколько основных тезисов такого подхода по отношению к проблеме. Хотя, с одной стороны, социальные медиа предоставляют новые возможности для политической мобилизации, онлайн-активность создает иллюзию влияния на мир и тем самым снижает реальную протестную деятельность [37]. Кроме того, исследователи отмечают, что сам характер крупнейших социальных медиа как корпораций приводит к тому, что платформы социальных медиа встроены в существующие властные отношения. Это ставит в привилегированное положение правительственные и корпоративные элиты, создает ограничения для гражданской актив-

ности, препятствуя некоторым формам политического участия, запрещая определенный контент [43, р. 104]. В некоторых работах показаны способы, с помощью которых компании социальных медиа (являясь коммерческими структурами) «стали ключевыми участниками цензуры и ограничения форм инакомыслия», будучи «частью гораздо более тесного партнерства с государством в поддержании социального порядка» [25, р. 6].

С. Хярвард полагает, что социальные сети, как и традиционные СМИ, «обладают институциональными свойствами» [28, р. 137]. Как отмечают исследователи, общество «институционализирует» социальные медиа, «открывая новые возможности коммуникации, формируя новые медиафункции, разрабатывая новые экономические модели и, что не менее важно, принимая социальные медиа, создает для них новую политическую структуру и новый правовой порядок» [38, р. 485]. Во многом отличаясь от старых медиа, социальные медиа «аналогичным образом включены в процессы медиатизации, посредством которых начинают влиять на институционализацию социального взаимодействия в культуре и обществе» [28, р. 138].

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В РОССИИ

История использования социальных медиа в России насчитывает более двадцати лет. Уже в начале нулевых «Живой Журнал» стал одной из первых заметных цифровых площадок в России, на которой протестные движения создавали виртуальные сообщества. С течением времени другие цифровые платформы становятся важным ресурсом для протестных движений. Переломным событием в истории использования социальных сетей в России для политического участия стали протестные события 2011–2012 гг.

Примерно с 2012 г. растет и интерес отечественных авторов к такой проблеме, как роль социальных медиа в политическом участии. Как видно из сказанного выше, социальные медиа существенно трансформировали политическое участие, повлияв и на изменение концепции политического участия. Нас интересовало, в какой степени российские авторы, исследуя использование социальных сетей в ходе протестов либо в электоральном процессе, используют само понятие

«политическое участие». Анализ статей, опубликованных в период с 2010 по 2020 г., показал, что к этой концепции обращаются авторы чуть меньше 30 % статей. При этом в большинстве из них в той или иной мере исследуются теоретические аспекты политического участия (к таким вопросам, как информационно-коммуникативные отношения, слактивизм, цифровое сетевое участие, классы политических и цифровых действий, медиатизированные формы политического участия и др.).

Среди методов, использованных российскими исследователями, прежде всего надо отметить анализ текстов постов, помещенных в виртуальных сообществах (более 80 % из всех эмпирических исследований) и анализ цифрового сетевого участия пользователей (почти 45 %). Отметим, что при анализе цифрового участия большинство авторов не используют само это понятие.

Отечественные исследования показывают, что социальные медиа в России, становясь одним из главных источников информации о предстоящих протестных акциях, активно использовались для мобилизации пользователей [7; 4]. Один из существенных вопросов при рассмотрении роли социальных медиа как в ходе протестов, так и в ходе выборов, — в какой степени они влияют на мобилизацию граждан? И хотя после протестов 2011–2012 гг. социальные медиа стали рассматриваться как один из основных элементов протестной коммуникации [2, с. 437], ответ на этот вопрос, опираясь на данные опросов, в какой-то мере можно получить из менее трети рассмотренных эмпирических исследований. В трех статьях использовались вторичные данные, а именно опросы Левада-центра¹ и ВЦИОМ участников акций протеста, выявляя, из каких новостных ресурсов, респонденты узнали о проходящей акции. Так, данные ВЦИОМ показали, что 22 % участников митинга 4 февраля 2012 г. узнали о протестной акции из соцсетей [12, с. 128], данные Левада-центра² показали, что соцсети являлись источником информации для 33 % участников акции 24 декабря 2011 г. [14, с. 100]. Только в одной статье в рамках исследования самими авторами был проведен опрос участников протестной акции, показавший, что «респонденты

¹ Выполняет функции иноагента.

² Выполняет функции иноагента.

воспринимают социальные сети как очень влиятельный фактор протестов» [3, с. 119]. В пяти статьях авторы опрашивали участников виртуальных сообществ (см., например: [10]). Они показали, что соц-сети являются существенным источником информации о предстоящих акциях протеста. При этом кажется, что степень влияния социальных медиа на мобилизацию как в участии в протестах, так и в голосовании за тех или иных кандидатов еще недостаточно изучена российскими авторами. Можно отметить, что в некоторых зарубежных работах для прояснения этой проблемы используется более сложный анализ. В качестве примера можно привести исследование, в котором авторы выделяют независимую переменную (в скольких политических онлайн-группах состоит респондент, пропорционально к общему количеству онлайн-групп, на которые он подписан) и зависимые переменные (степень политического участия в офлайн-режиме и политические знания респондента) [24].

Как уже говорилось выше, отечественные авторы обращались к анализу новых типов политического участия, вызванных развитием социальных медиа, прежде всего цифрового сетевого участия [1; 7–9]. Некоторые работы показали слабое цифровое участие в виртуальных сообществах, большинство пользователей оставались пассивными потребителями информации [7].

При этом исследователи выявляют связь между «цифровым сетевым участием» и участием в традиционных протестах. Так, опрос наиболее активных пользователей, помещавших на своих страницах посты, посвященные «мусорному» конфликту в Шиесе, например, показал, что абсолютное большинство из них принимало участие в традиционных формах протеста [16, с. 154]. Другое исследование, посвященное роли социальных сетей, выявило, что более частое обсуждение строительства мусорного полигона в социальных медиа увеличивало вероятность участия в протестах [11, с. 45].

Социальные медиа влияют и на трансформацию организаций российских общественных движений. В ряде случаев оказывается так, что именно виртуальные протестные сообщества создают организации общественного движения. Например, протестные сообщества «ВКонтакте», появившиеся в связи с конфликтом вокруг мусорного полигона в Шиесе, «формализовались в массовое экологическое движение» [13, с. 3304].

Можно говорить о нескольких типах российских протестных виртуальных сообществах, что было показано на примере использования социальных сетей в ходе конфликта вокруг решения о передаче Исаакиевского собора Русской православной церкви. С одной стороны, имеются сообщества, которые можно отнести к e-movement, существующим только в виртуальном пространстве. С другой стороны, есть сообщества, использующие e-mobilization, т.е. применяющие «коммуникационные онлайн-инструменты для организации офлайн-акций» [4, с. 371].

Основываясь на анализе использования социальных медиа в ходе городских конфликтов в России (2012–2022 гг.), отечественные авторы выделяют несколько форм политического участия в социальных сетях: от максимально близкого к коллективному действию до наиболее близкого к коннективному действию [17]. При этом авторы предлагают свою категорию — «локальное коннективное действие», открывающее «дорогу для новых типологий», а также способствующее «лучшему пониманию массового коннективного действия» [17, с. 143].

Анализ использования социальных медиа показал, как социальные сети приводят к расширению репертуара протеста в России. Это поддержка протестных офлайн-акций как в распространении информации по социальным сетям о предстоящих акциях, так и в мобилизации пользователей Сети (что может выражаться в призыве участия в подобных акциях или в распространении информации) [16]. Также можно говорить о «виртуальных» действиях, основанных на интернет-коммуникации. В качестве примеров можно привести использование такой относительно новой формы протеста, как видеообращение [5, с. 203].

В рамках изучения использования социальных медиа в ходе протестов в России исследователи пришли к выводу о том, что различные цифровые платформы играли разную роль. Так, при анализе движения «За честные выборы» было выявлено, что «Живой Журнал» являлся площадкой для «информационной подготовки к действию», «Твиттер»¹ же способствовал «координации действий протестующих» [18, с. 153].

---

¹Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

Несмотря на возрастающую роль социальных сетей в России как ресурса для протестных движений, к ним, как представляется, вполне применим критический подход, о котором говорилось выше. Они, как и западные социальные медиа, ориентированы на получение прибыли. Отечественные социальные сети в еще большей степени встроены во властные структуры. Однако анализ отечественных исследований не обнаружил, чтобы российские авторы касались этой проблематики.

Среди отечественных ученых мы видим точку зрения, согласно которой социальные медиа являются социальным институтом. Так, С. Ушкин обосновывает это тем, что они обладают такими институциональными признаками, как: 1) наличие норм и предписаний, регулирующих сетевые взаимодействия; 2) наличие пользователей, вступающих в сетевые отношения; 3) наличие относительно формализованной иерархической структуры виртуального взаимодействия; 4) выполнение социальными сетями определенных функций [15, с. 11]. В связи с этим, по нашему мнению, можно говорить и о процессе институционализации нового типа политического участия, порожденного социальными сетями. Мы видим в отношении новых форм политического участия устоявшиеся и воспроизводящиеся практики, выполняющие определенные функции (информационные, координационные, мобилизационные). При этом существует иерархия взаимодействия (администраторы виртуальных протестных сообществ и пользователи), имеются нормы как самих российских социальных сетей, тех или иных виртуальных сообществ, так и нормы, связанные с российским законодательством, ограничивающие политическое участие в социальных медиа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде чем перейти к выводам, надо сказать о некоторых ограничениях, связанных с проведением исследования. Отбор журналов и статей проводился без использования специальных программ, в связи с этим часть журналов и работ, посвященных социальным медиа, могла не попасть в базу данных для анализа. Вместе с тем, как представляется, изученные работы дают представление о состоянии данной области российских исследований. Кроме того, необходимо сказать, что исследования в целом касались использования социальных сетей в ходе протестов или выборов до событий февраля 2022 г.

Использование социальных сетей стало повседневной практикой миллионов российских граждан, что отразилось и на общественно-политической сфере. Это вызвало возрастающее внимание отечественных авторов к проблеме роли социальных медиа в политическом участии. При этом само понятие «политическое участие» используется в меньшинстве работ, посвященных исследованию роли социальных сетей в ходе протестов или конфликтов, а также в ходе выборов. Мы видим, что в отечественной литературе активно исследуется использование социальных меди в ходе самых разных конфликтов (общенациональных, региональных, локальных), вызванных самыми разными проблемами (результаты выборов, коррупция, градозащитные, экологические проблемы и т.д.). В этих исследованиях используются такие методы, как анализ текста, цифровое участие, опросы. Российские авторы анализируют такие новые формы политического участия, как цифровое сетевое участие, новые типы общественных движений вроде e-movement, трансформацию коллективных действий в результате воздействия социальных сетей («коннективные действия»). Отечественные авторы показывают процесс мобилизации в социальных медиа. Некоторые исследователи полагают, что идет становление социальных медиа как социального института. В связи с этим можно говорить и о процессе институционализации новых форм политического участия.

В то же время, на наш взгляд, существуют лакуны в отечественных исследованиях. Одна из них — ответ вопрос, как и в какой степени влияют социальные медиа на политическое участие. Попытки различных авторов, кажется, на данный момент не до конца раскрывают эту проблему. Кроме того, пока малоизучена тема влияния социальных сетей на такую важную составляющую общественных движений, как их организации. Довольно редко обращаются отечественные авторы к таким проблемам, как трансформация коллективных действий под воздействием социальных сетей. Практически пока не виден критический взгляд на действия социальных медиа, например на тот их аспект, что они являются коммерческими структурами, а также на проблему встраивания российских цифровых платформ во властные структуры.

При этом мы видим, что исследования социальных сетей, в том числе их роль в политическом участии, являются растущей областью

знания (в социологии, политологии, в области исследований массовых коммуникаций). И в связи с этим можно быть уверенными, что новые работы дадут ответы на самые разные, пока еще не вполне изученные, аспекты политического участия в социальных медиа.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольбрайх Владимир Беняминович — Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, кандидат социологических наук, научный сотрудник.
Телефон: +7 (812) 402-25-40. **Электронная почта:** vgolbraikh@mail.ru.

VLADIMIR B. GOLBRAIKH¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia

SOCIAL MEDIA IN RUSSIA: NEW FORMS OF POLITICAL PARTICIPATION. MAIN APPROACHES (2010–2022)

Abstract. Over the past decades, significant changes have occurred in the daily life of people due to the emergence of social media. The use of social networks has become an everyday practice of Russian citizens, which has also affected the socio-political sphere. The use of social networks has become a daily practice of Russian citizens, which has also affected the socio-political sphere, which has caused increasing attention from domestic authors to this problem. The article is devoted to a review of Russian studies of this one of the most pressing problems. In domestic literature, the use of social media in conflicts caused by various problems is actively studied. Russian authors analyze new forms of political participation, new types of social movements, and the transformation of collective action. Some researchers believe that social media is being formed as a social institution. In this regard, we can talk about the process of institutionalization of new forms of political participation. At the same time, there are gaps in domestic studies: the influence of social media on political participation; organizations of social movements; transformation of collective action. In domestic literature, a critical look at social media is not visible, for example, the influence of the commercial and political component of social media. The growth of social media research provides confidence that new work will provide answers to a variety of still poorly understood aspects of political participation in social media.

Keywords: social media; political participation; socio-political conflicts; collective actions.

For citation: Golbraikh V.B. Social media in Russia: new forms of political participation. Main approaches (2010–2022). *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. T. 11. № 2. P. 118–136. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.5>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Golbraikh — The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Sociology, researcher. **Phone:**+7 (812) 402–25–40. **E-mail:** vgolbraih@mail.ru

---

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Ахременко А.С., Филиппов И.Б.* Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>
Akhremenko A.S., Filippov I.B. (2019) Impact of the Violent Suppression of Protest on its Discussion in Social Networks. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019. No 5. P. 200–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10> (In Russ.)
2. *Бараш Р.Э.* Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430–453. <https://doi.org/14515/monitoring.2022.2.1980>
Barash R.E. Social Media as a Factor Forming Social and Political Attitudes, the Russian Context. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. No 2. P. 430–453. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980> (In Russ.)
3. *Бодрунова С., Литвиненко А.* Fragmentation of society and media hybridisation in today's Russia: How Facebook voices collective demand // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14. С. 113–124.
Bodrunova S., Litvinenko A. Fragmentation of society and media hybridisation in today's Russia: How Facebook voices collective demands. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2016. No 14. P. 113–124. (In Russ.)
4. *Головин Н.А., Сибирев В.А.* Факторы успеха сетевых протестных движений (анализ конфликта вокруг Исаакиевского собора в 2017–2018 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. № 2. С. 370–383. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.213>
Golovin N.A., Sibirev V.A. (2020) Success factors of network protest movement (analysis of the conflict over St. Isaacs cathedral in 2017–2018). *Vestnik Sankt-*

- Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija*. 2020. No 2. P. 370–383. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.213> (In Russ.)
5. Гольбрайх В.Б. Антивакционное движение России в социальных медиа: протесты, формы участия // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3 (119). С. 194–213. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.10>
Golbraikh V.B. Russian anti-vaccine movement in social media: protests, forms of participation. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. No 3 (119). P. 194–213. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.10> (In Russ.)
  6. Гольбрайх В.Б. Исследования социальных сетей в России: попытка библиометрического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 62–83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140>
Golbraikh V.B. Social Media Studies in Russia: The Attempt of Bibliometric Analysis. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2022. No 4. P. 62–83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140> (In Russ.)
  7. Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74–85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>
Golbraikh V.B. Ecoconflicts in Russia and Digital Networks Participation. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2019. No 6. P. 74–85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483> (In Russ.)
  8. Гончаров Д.В., Нечай В.В.¹ Антикоррупционные протесты 2017: отражение в Твиттере // Политика. 2018. № 1 (88). С. 65–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81>.
Goncharov D.V., Nechay V.V.² Anti-corruption Protests 2017: Reflection in Twitter. *Politiya*. 2018. No 1 (88). P. 65–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-88-1-65-81> (In Russ.)
  9. Давыдов С.Г., Лебедев П.А. Онлайн-дискурс «второй волны» московских наблюдателей // Социологический журнал. 2015. № 3. С. 129–143.
Davydov S.G., Lebedev P.A. Online Discourse of the Second Wave” of Moscow Observers. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2015. No 3. P. 129–143. (In Russ.)
  10. Докука С.В. Практика использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137–145.
Dokuka S.V. (2014) Practices of Using On-line Social Networks. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. No 1. P. 137–145 (In Russ.)

---

¹ Выполняет функции иноагента.

² Выполняет функции иноагента.

11. Климова А.М., Куликов С.П., Чмель К.Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>
Klimova A.M., Kulikov S.P., Chmel K.S. The Role of Social Media in Shaping Regional Ecological Protest in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. No 6. P. 28–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>. (In Russ.)
12. Ксенофонтова И.В. Новые солидарности в интернете: от дискуссии к действию: (на примере движения «За честные выборы») // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 125–137.
Ksenofontova I.V. New Solidarities on the Internet: From Discussion to Action (the Case of the Movement “For Honest Elections”). *Etnograficheskoe obozrenie*. 2013. No 2. P. 125–137. (In Russ.)
13. Никитинская А.А., Руссова О.Н. Социальные сети как площадка протестной активности // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3302–3307.
Nikitinskaya A.A., Russova O.N. Social networks as a platform for protest activity. *Social'nye seti kak ploshchadka protestnoj aktivnosti // Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov. Sbornik докладov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa (Tyumen', 14–16 oktyabrya 2020 g.)*. Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: ROSS; FNISZ RAN, 2020. P. 3302–3307. (In Russ.)
14. Олейник А. Кто эти мужчины и женщины на фотографии? Контент-анализ фотографий массовых протестов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 87–102.
Oleynik A. Who are These (Wo)Men in the Picture? On Content Analysis of Images of Mass Protests. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2012. No 2 (112). P. 87–102. (In Russ.)
15. Ушкин С.Г. Влияние виртуальных социальных сетей на протестную активность в российском обществе. Дис. ... канд. соц. наук. Саранск: Мордовский государственный университет, 2015.
Ushkin S.G. The influence of virtual social networks on protest activity in Russian society. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk*. Saransk: Mordovian State University, 2015. (In Russ.)

16. Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (4). С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>
Tsepilova O.D., Golbraikh V.B. Environmental activism: resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2020. No 23 (4). P. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5> (In Russ.)
17. Чернышева Л.А., Запорожец О.Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352>
Chernysheva L.A., Zaporozhets O.N. (2023) Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023. No 4. P. 124–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352> (In Russ.)
18. Шчекотуров А.В., Кришталь М.И. (Ре)конструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голунова // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 4. С. 150–170. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170>
Shchekoturov A., Krishtal M. (Re)constructing the Meanings of a Political Act Using the Social Network VKontakte: the Case of Ivan Golunov. *Mir Rossii. Sociologija. Jtnologija*. 2020. No 4. P. 150–170. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170> (In Russ.)
19. Bennett W., Segerberg A. Communication in movements. *The Oxford handbook of social movements*. Ed. by D. Della Porta, M. Diani. Oxford, UK: Oxford University Press, 2015. P. 367–382.
Bennett W., Segerberg A. The logic of connective action. *Information, Communication & Society*. 2012. No. 15 (5). P. 739–768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>
20. Boulianne S. Twenty years of digital media effects on civic and political participation. *Communication Research*. 2020. No. 47 (7). P. 947–966. <http://doi.org/10.1177/0093650218808186>.
21. Calatayud M., Vázquez A. Mobilisation and surveillance on social media. The ambivalent case of the anti-austerity protests in Spain (2011–2014). *Protests in the Information Age: Social Movements, Digital Practices and Surveillance*. Ed. by L. Melgaço, J. Monaghan. Oxford: Routledge, 2018. P. 21–39.

22. Christensen H. Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? *First Monday*. 2011. No. 16 (2). <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>
23. Conroy M., Feezell, J, Guerrero, M. Facebook and political engagement: A study of online political group membership and offline political engagement. *Computers in Human Behavior*. 2012. No. 28. P. 1535–1546. <http://dx.doi.org/10.1016/j.chb.2012.03.012>
24. Dencik L., Leistert O. Introduction. *Critical perspectives on social media and protest: Between control and emancipation*. Ed. by L. Dencik. O. Leistert. L: Rowman & Littlefield, 2015. P. 1–12.
25. Earl J, Kimport K. *Digitally enabled social change*. Cambridge: MIT Press, 2011. 272 p.
26. Greenwood R., Oliver C., Sahlin K., Suddaby R. Introduction. *The Sage Handbook of Organizational Institutionalism*. Ed. by R. Greenwood, C. Oliver, K. Sahlin, R. Suddaby. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2008. P. 1–46.
27. Hjarvard S. From Mediation to Mediatization: The Institutionalization of New Media. *Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age*. Ed. by A. Hepp, F. Krotz. Basingtoke: Palgrave Macmillan, 2014. P. 123–142.
28. Hosch-Dayican B. Online political activities as emerging forms of political participation: How do they fit in the conceptual map? *Acta Politica*. 2014. No. 49 (3). P. 342–346. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.7>
29. Koopmans R., Olzak S. Discursive Opportunities and the Evolution of Right-Wing Violence in Germany. *American Journal of Sociology*. 2004. No. 110 (1). P. 198–230. <https://doi.org/10.1086/386271>
30. Liu J From mobilization to legitimation: digital media and the evolving repertoire of contention in contemporary China *Handbook of protest and resistance in China*. Ed. by T. Wright. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. P. 332–345.
31. Longo G. The internet as a social institution: Rethinking concepts for family scholarship. *Family Relations*. 2023. No. 72 (2). P. 621–636. <https://doi.org/10.1111/fare.12825>
32. Melgaço L. Monaghan J. Introduction: Taking to the Streets in the Information Age *Protests in the Information Age: Social Movements, Digital Practices and Surveillance*. Ed. by L Melgaço, J. Monaghan. Oxford: Routledge, 2018. P. 1–18.
33. Mercea D. *Civic Participation in Contentious Politics: The Digital Foreshadowing of Protest*. London: Palgrave MacMillan, 2016. 240 p.
34. Milan S. Mobilizing in times of social media. From a politics of identity to a politics of visibility. *Critical perspectives on social media and protest: Between*

- control and emancipation*. Ed. by L. Dencik, O. Leistert L: Rowman & Littlefield, 2015. P. 52–71.
35. Morozov E. The brave new world of slacktivism. *Foreign Policy*. 2009. May 19. Accessed 22.03.2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/>.
  - Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. NY: Public-Affairs, 2011. 448 p.
  36. Stober R. What Media Evolution Is: A Theoretical Approach to the History of New Media. *European Journal of Communication*. 2004. No. 19(4). P. 483–505. <https://doi.org/10.1177/0267323104049461>
  37. Theocharis Y. The conceptualization of digitally networked participation. *Social Media + Society*. 2015. No. 1 (2). P. 1–14. <https://doi.org/10.1177/205630511561014>
  38. Theocharis Y., Lowe W., van Deth J. W., Garcia-Albacete G. Using Twitter to mobilize protest action: Online mobilization pattern and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*. 2015. No. 18 (2). P. 202–220. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.948035>
  39. Theocharis Y., Moor J., van Deth J. W. (2019) Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*. 13 (2). P. 30–53. <https://doi.org/10.1002/poi3.231>
  40. van Deth J. W. A conceptual map of political participation. *Acta Politica*. 2014. No. 49 (3). P. 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>
  41. Uldam J., Kaun A. Theorizing civic engagement and social media: The case of the “refugee crisis” and volunteer organizing in Sweden. *Social media materialities and protest: critical reflections*. Ed. by M. Mortensen, C. Neumayer, T. Poell. London: Routledge, 2019. P. 101–115.